

Восторг в поэтическом языке М. В. Ломоносова и в Четьх Минеях Дмитрия Ростовского (к вопросу о церковнославянском субстрате одического восторга)

М. Г. Шарихина

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
justmilya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвостилистической преемственности одического восторга в поэзии М. В. Ломоносова по отношению к языку церковнославянской литературы предшествующего периода (в частности, минейного собрания Дмитрия Ростовского). Сравнительно-сопоставительный анализ между понятиями одического восторга и мистического экстаза, а также лингвостилистическими способами их выражения в сопоставляемых текстах позволил выявить их общие черты на лексико-семантическом и фразеологическом уровнях.

Ключевые слова: Ломоносов, одическая поэзия, одический восторг, мистический экстаз, Четьи Миней Дмитрия Ростовского, *furor poeticus*, историческая лексикология, фразеология.

Rapture in the poetic language of M. V. Lomonosov and in Menology of Dimitri Rostovsky (to the question of the Church Slavonic substrate of the odic rapture)

M. G. Sharikhina

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
justmilya@yandex.ru

Abstract. The article presents a study of the linguistic and stylistic continuity of odic rapture in M. V. Lomonosov's poetry relative to the Church Slavonic literature of earlier periods (in particular, the Menologion by Dimitry Rostovsky).

The analysis compares the concepts of odic rapture and mystic ecstasy to reveal similarity of their conceptual content and investigate the relationships between the various linguistic ways of expressing these concepts in comparable texts. In particular, the article examined the words *vostorg* 'rapture', *voskhitit'* (*voskhishchat'*) 'bewilder', *voskhitit'sya* (*voskhishchat'sya*) 'be bewildered' and fixed word combinations (for example, *voskhishchennyj umom* 'bewildered mind', *um voskhishchayetsya* '[my] mind is bewildered', or *umnyje, myslennyje ochi* 'mind's eyes', *umom zrit'* '[s/he] sees with [his/her] mind'). In the texts analyzed, these linguistic units have common semantic and stylistic features. They are used to express a special emotional state that is usually accompanied by visions. In this state, the heroes of the Lives and the lyrical hero of odic poetry obtains the ability to see what is hidden from the ordinary eye. Thus, the lexical units analyzed are involved in the expression of oppositions between the sensual and the spiritual, the external and the internal, the visible and the invisible. The Church Slavonic origins of the lexicon of odic delight are emphasized by the fact that M. V. Lomonosov's non-poetic works use it in meanings characteristic of Church Slavonic together with bright Church slavocisms.

In addition, it was found that a state of mystic ecstasy in the Menologion by Dimitry Rostovsky is generally characteristic of the lives of ascetics. Therefore, the similarity of the linguistic means to express a special emotional state in Lomonosov's odic poetry and in Dimitri Rostovsky's Menology raises the question of a connection between the odic style and the ascetic direction in hagiography.

Keywords: Lomonosov, odic poetry, odic rapture, mystic ecstasy, Menologion of Dimitry Rostovsky, *furor poeticus*, historical lexicology, phraseology.

1. Одический восторг в контексте церковнославянской литературной традиции (литература вопроса)

Поэтический восторг (или *furor poeticus*) является основой смысловой организации панегирической оды, «постоянным признаком одического жанра и — в результате экстраполяции — конститутивным элементом высокого стиля» [Живов 1994: 72–73]. Учение о *furor poeticus* как необходимом условии для постижения идеальной сущности предмета¹ восходит к неоплатонизму, оказавшему большое влияние

---

¹ Принцип отражения действительности в одическом жанре также восходит к идеям неоплатоников: «В панегирической оде предмет... предстает не в своей реальности, а преобразенным, идеально увиденным» [Алексеева 2005: 190].

на новоевропейскую лирику и, в частности, на становление пиндарической оды: «...учение о божественном вдохновении, о поэтическом восторге, о священном исступлении (безумии) поэта опирается на понятие *μαῦα ποιητικῆ* Платона» [Алексеева 2005: 117]. Кроме того, в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова фигура *восхищение*, генетически связанная с поэтическим восторгом², иллюстрируется цитатами из «Метаморфоз» Овидия и «Оды на взятие Намюра» Н. Буало [Ломоносов, VII: 285]. Таким образом устанавливается преемственность одического восторга по отношению к западноевропейской поэтической традиции.

Вопрос о связи русской оды с барочной поэтикой и предшествующей литературной традицией³ был рассмотрен В. М. Живовым. Он указал на два источника влияния на стилистику торжественной оды: торжественную силлабическую поэзию и торжественную проповедь, «фразеология и стилистика силлабического панегирика восходили, с одной стороны, к фразеологии и стилистике барочной проповеди, а с другой — к фразеологии и стилистике славянской Псалтыри. Эти связи переносятся теперь и на одическую поэзию» [Живов 1994: 66]. При этом исследователь подчеркивает, что эта преемственность более всего отражается именно в категории *furor poeticus*: «Барочная поэтика, а отсюда и связь с предшествующей литературной традицией, оказывается нормативной, она выступает как свидетельство профетической одаренности поэта» [Там же: 71]. С вопросом об истоках одического восторга непосредственно связан отдельный экскурс, который В. М. Живов посвятил сочетанию *трезвое пианство*⁴ в сочинении В. К. Тредиаковского и *sainte ivresse* у Буало. Объясняя второй случай влиянием учения Филона Александрийского и трактата

---

² Фигура «восхищение» обычно рассматривается исследователями поэтического творчества М. В. Ломоносова в контексте теории «лирического восторга» [Серман 1966: 136–137; Серман 2002: 343; Живов 1994: 71–72; Алексеева 2005: 191].

³ Источники одического стиля Ломоносова, в частности Св. Писание и богослужебные тексты, являются предметом исследования в статьях В. Дороватовской и И. И. Солосина [Дороватовская 1911; Солосин 1913]. Вопросу функционирования библейских и богослужебных заимствований в разножанровых сочинениях Ломоносова посвящено исследование Е. М. Матвеева [Матвеев 2017].

⁴ Это сочетание, так же как и *бодрая дремота* и *явный сон* у Ломоносова используются для обозначения поэтического восторга [Живов 1994: 72].

Псевдо-Лонгина «О возвышенном», В. М. Живов возводит сочетание, использованное Тредиаковским, к патристической традиции (Оригену, Евсевию, Григорию Нисскому и Симеону Новому Богослову): «В данной традиции это выражение может означать как экстатическое состояние аскета, так и состояние верующих вообще, обоженных причастием и соединяющихся с Божеством» [Там же: 79].

Идеи Живова получили развитие в исследованиях М. Левитта. Он устанавливает влияние на оды Ломоносова православной литературы богословско-мистического направления (Григория Паламы и его предшественников — Климента Александрийского, Дионисия Ареопагита, Симеона Нового Богослова и Евагрия Понтийского) [Левитт 2015: 122–126]. По мнению исследователя, «характерные жанровые маркеры оды, такие как поэтический „экстаз“, „жар“ и „восхищение“, соответствуют православному эсхатологическому дискурсу, описывающему особое состояние души в момент приобщения к Божественному» [Там же: 140]. Одическое «восхищение» М. Левитт возводит к библейскому контексту, посвященному восхищению апостола Павла (2 Кор. 12:4): «Палама описывает „сладостное зрелище, которое восхитило ум“ святого Павла: он созерцал это божественное зрелище, „весь сделавшись зрением“. Экстатическое видение в одах, безусловно, принадлежит к этому же типу откровения» [Там же: 140–141].

Итак, в научной литературе в качестве вероятных источников одического восторга было обозначено два направления церковнославянской литературы: патристическая традиция (В. М. Живов) и православная литература богословско-мистического направления (М. Левитт).

Идейное сходство между поэзией Ломоносова и указанными направлениями церковнославянской литературы не свидетельствует о непосредственном влиянии — доказательств знакомства ученого с произведениями перечисленных выше представителей греческой и латинской патристики⁵, а также мистического богословия у нас нет. Безусловно, знания Ломоносовым в сфере церковнославянской литературы нельзя ограничивать объемом процитированных им текстов или рукописей и изданий, которые сохранили его рабочие пометы. Интерес к церковно-религиозной литературе проявился у него еще в ранние годы жизни

---

⁵ В сочинениях Ломоносова присутствуют ссылки на труды Василия Великого, Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина, они перечислены в монографии Г. М. Коровина [Коровин 1961: 346–348].

на Севере [Морозов 1962: 88–99]. К этому времени относится знакомство ученого с Библией, богослужебной литературой и четырьмя сборниками. Во время обучения в Славяно-греко-латинской академии знания Ломоносова в этой области естественным образом расширялись.

В настоящей статье предпринимается сравнительно-сопоставительный анализ исследуемых понятий на языковом (точнее, на лексическом) уровне. Но прежде чем приступить к лексико-семантическому исследованию, мы рассмотрим основные структурно-смысловые компоненты, которые формируют содержание религиозного экстаза и одического восторга. Выделение тех или иных конститутивных элементов в содержании категории является в определенной мере условным, так как во многом зависит от базовых параметров, на которых оно основано. В данном случае такое описание является рабочим, так как служит для того, чтобы в дальнейшем дать адекватную оценку языковым фактам.

2. Содержание понятия одический восторг сквозь призму религиозного дискурса

Одический восторг обычно рассматривается исследователями как особое эмоциональное состояние лирического героя оды и как способ видения окружающих предметов. Выделенные смысловые компоненты одического восторга обнаруживают связь с понятием мистического экстаза. В истории христианской религии оно устойчиво ассоциируется с аскетизмом, или подвижничеством⁶. В богословской литературе религиозные основы мистического опыта описаны в трудах представителей двух направлений — абстрактно-спекулятивного (сочинения Климента Александрийского, Дионисия Ареопагита и Григория Нисского) и нравственно-практического (сочинения Оригена, Макария Египетского и Симеона Нового Богослова) [Минин 2015: 494–532]. Целью духовной жизни для обоих направлений является обожение, «венец

---

⁶ «Христ[ианский] а[скетизм], или подвижничество, есть ревность и сила пребывать в деятельном, путем подвигов (постничества, девства, отшельничества и др.), общении с Богом, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, для обретения истинно христ. настроенности как залога к участию в Царствии Небесном» [Литвинова 2001: 593].

мистического подвига и там, и здесь *ekstasis*. Но в первом случае экстаз представляет восхищение или „исступление“ ума, во втором — восхищение или восторг чувства» [Там же: 495–496]. Кроме двух указанных направлений выделяется также этико-гностическое (примирительное), которое объединяет в себе их характерные особенности. Его основные принципы отражены в трудах Исаака Сирина и Максима Исповедника [Там же: 532–543].

2.1. Одический восторг как особое эмоциональное состояние

Специфика эмоционального состояния, которое обозначается понятием одический восторг, состоит в том, что оно не имеет качественной характеристики: «может быть „радостный восторг“, может быть восторг ужаса» [Алексеева 2005: 191]. Обычно его сближают с эмоцией удивления [Там же]. В «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов дает следующее определение фигуры *восхищение*:

- (1) *«Восхищение есть когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или страшного и чрезъестественного дела. Сия фигура совокупляется почти всегда с вымыслом и больше употребительна у стихотворцев»*. [Ломоносов, VII: 284–285].

Здесь это эмоциональное состояние характеризуется с помощью слова *изумленный*, которое в XVIII в. сохраняло значение ‘лишенный ума, безумный’, однако употреблялось и в значении ‘сильно удивленный, пораженный’ [СлРЯ XVIII 9: 66]. Это подтверждает справедливость сближения одического восторга и удивления. Другая особенность *figurae poeticae* отражена в описании этого состояния в «Рассуждении о оде во обще» (1734 г.) В. К. Тредиаковского:

- (2) *Они (Пиндар и Гораций. — Прим. М. Ш.) только одни умели писать так чудесно, когда, чтоб изъяснить разум свой, как бы вне себя быть, прерывали с умысла последование своєю речи и, чтоб лучше войти в разум, выходили, буде позволено так сказать после Боало, из самого разума, удаляясь с великим старанием от того порядка методического и исправного связания сенса, который имел бы отнять всю соль, весь сок или, лучше, самую душу у лирической поэзии* [Тредиаковский 2009: 157].

В приведенном фрагменте Третьяковский описывает восторг с помощью сочетаний *как бы вне себя быть, войти в разум, выходили из разума*. Выход за пределы чувственного мира является необходимой стороной *furog roeticus* и в платоновской концепции поэзии, ставшей философской основой для учения о поэтическом восторге в ново-европейской лирике [Алексеева 2005: 117].

Эта сторона одического состояния, как нам представляется, более всего сближает его с мистическим экстазом. Характеризуя последний, М. Левитт подчеркивал эту его особенность: «этот особый тип опытного познания подразумевает одновременно „утрату себя“ и достижение более высокого рефлексивного уровня сознания через „выход за пределы“ самого себя (на это наводит буквальное значение греческого слова *ἔκστασις*: „вынесение вовне“ или „выход души из тела, мистический и пророческий транс“)» [Левитт 2015: 138]. Переход в состояние религиозного экстаза сопровождается утратой физических ощущений, что достигается путем «преодоления „феноменальной“ стороны своего бытия» [Минин 2015: 491]. В истории христианской мистики такое состояние обозначается понятием *спекулятивный экстаз*, оно характерно, например, для мистики Григория Нисского [Там же: 511].

2.2. Одический восторг как способ видения

Понятие одического восторга тесно связано с воображением, фантазией. На это, в частности, указывает определение фигуры восхищения в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова (см. пример (1)). Вероятно, эта связь обусловлена более широким взаимодействием понятия одического восторга и особым взглядом на окружающую действительность, характером видения и, как следствие, отражением реальности в пиндарической оде, которое обычно рассматривается как влияние неоплатонизма. Исследователи нередко обращались к визуальным метафорам для описания одического восторга: «восторг, или восхищение, есть умственное созерцание предмета, рассмотрение его умными очами», «в этом состоянии поэт видит „умными очами“, „мысленным взором“ недоступное простому глазу» [Алексеева 2005: 191–192]. Зрительное восприятие в данном случае является не физическим, а духовным, оно является результатом умственной или, шире, духовной деятельности: «Мысленный образ всегда отличен

от реального, реальность, увиденная внутренним взором, преобразается, очищается от случайного, наносного, временного, несовершенного. Отсюда в эстетике Нового времени мысленный взор, умные очи становятся своего рода категорией» [Там же: 194]. Указывая на распространенное в русской поэзии XVIII в. противопоставление двух видов зрения (физического и духовного, внешнего и внутреннего), М. Левитт присваивает такую особенность и одам Ломоносова, в которых он выделяет «три практически взаимозаменяемых источника зрения: ум, дух и мысль» [Левитт 2015: 132]. Фразеология од Ломоносова ярко иллюстрирует это положение, так как для нее характерны сочетания лексем зрительного восприятия (*зреть, видеть, смотреть, очи, взор*) и лексем, обозначающих интеллектуальную деятельность: *представить в уме, мысленно взирать, умные очи, мысленные очи, мысленный взор* [Там же: 132–133].

Такое умственное созерцание предмета находится в близком родстве с «божественным видением» православных мистиков. С одной стороны, постижение идеальной сущности вещей и окружающей действительности благодаря духовному созерцанию имеет много общих черт с категорией гносиса, которая была описана в трудах Климента Александрийского: «гносис есть неизменное созерцание, интуитивное проникновение в сущность познаваемого, высшая функция человеческого духа и единственное средство приблизиться к Божеству и приобщиться Его совершенствам» [Минин 2015: 497]. Эта категория, которая была разработана в противовес еретическому гностицизму греческой философии, «заимствует аргументы и соображения из греческой философии — платоновской, стоической» [Там же: 497].

С другой стороны, взгляд на окружающую действительность в одическом пространстве нередко обуславливается особым состоянием поэта, парением: «Восторгаясь духом в наднебесье, он (поэт. — *Прим. М. Ш.*) парит и смотрит на все с идеальной высоты (...) Пространство в оде изображается с идеальной высоты» [Алексеева 2005: 192]. В этом аспекте, как нам представляется, было бы более корректно использовать понятие *восхищение*. Здесь оно сближается с восхищением, которое описано во Втором послании к Коринфянам апостола Павла:

- (3) *Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке*

(только не знаю — в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12:4) [Библия 2004: 1237–1238].

Вероятно, под влиянием этого текста в сочинениях христианских авторов слово *восхищение* развило новое значение ‘духовное исступление, возвышение’ [Петров 2004: 331].

Итак, в содержательном плане одический восторг может быть поставлен в связь с мистическим экстазом, который является важным понятием в христианском богословии аскетического направления. Между тем, как отмечает П. М. Минин, описания проявлений религиозного экстаза нередко встречаются в житиях подвижников, составленных Руфином, Палладием и Иоанном Мосхом [Минин 2015: 514]. Несколько примеров описания духовного восторга, взятых из житий христианских монахов-аскетов, приводится и в статье П. Флоренского [Флоренский 1996]. Указанные обстоятельства делают актуальным исследование житийного материала для выявления церковнославянских источников одического восторга.

Исследователи творчества Ломоносова обходили вниманием большой корпус церковнославянской агиографии. Между тем известно, что ученый еще в юности проявлял интерес к житиям святых, преимущественно в составе богослужебных и четких сборников [Морозов 1961: 77]. Сохранилась и рукопись Ломоносова со списком «Жития и службы» Дмитрия Солунского [Моисеева 1971: 30, 33].

Агиографические сочинения Дмитрия Ростовского (в составе «Книги житий святых») стали материалом настоящего исследования, ввиду их широкого распространения и популярности в XVIII в. Свидетельством внимания и уважения Ломоносова к митрополиту и его сочинениям является надпись, составленная для раки Дмитрия Ростовского, которая приписывается ученому [Ломоносов, VIII, 1959: 646, 1088–1089].

Описания состояния мистического экстаза в минейном сборнике являются топосом именно житий монахов-аскетов, в других типах житий они встречаются редко. Это во многом связано со спецификой этого состояния, которое обычно является результатом многодневного монашеского (чаще молитвенного) подвига. Такая религиозная активность сопровождается многодневным постом и физическим изнурением, а момент духовного восторга нередко становится высшей точкой духовного напряжения.

3. Лингвостилистические способы выражения одического восторга в поэзии М. В. Ломоносова в сопоставлении с языком житий сборника Дмитрия Ростовского

3.1. Способы обозначения особого эмоционального состояния

В языке Ломоносова эмоциональный план лирического восторга чаще всего реализуется с помощью лексемы *восторг*, например:

- (4) *Восторг* внезапный ум пленил, / Ведет на верьх горы высокой [Ломоносов, VIII: 16];
- (5) *Всего народа весел шум, / Как глас вод многих, в верьх восходит, / И мой отрады полный ум, / Восхитив тем, в восторге* приводит [Там же: 60];
- (6) *Мой дух течет к пределам света, / Охотой храбрых дел пленен, / В восторге* зрит грядущи лета / И грозный древних вид времен [Там же: 107].

Единичны случаи употребления других лексем, обозначающих эмоцию:

- (7) *Священный ужас* мысль объемлет! [Там же: 84];
- (8) *Какую радость* ощущаю? / Куда я ныне восхищен? / Небесну пищу я вкушаю, / На верьх Олимпа вознесен! [Там же: 394].

В «Книге житий святых» Дмитрия Ростовского слово *восторг* также является наиболее частотной лексемой, которая используется для описания состояния мистического экстаза (всего обнаружено 16 словоупотреблений). Приведем примеры:

- (9) *Единою стоя на молитве преподобный Пахомий, бысть в восторзе, и виде* [Димитрий, 3: 458 об.];
- (10) *Паки некогда по молитве святыи бысть в восторзе, и виде* [Димитрий, 2: 173 об.–174];
- (11) *И бысть аки в восторзе, и виде одежду белую и пресветлую свыше сошедшую, и покрывшую Лукиана* [Димитрий, 3: 421].

Другие лексические варианты встречаются реже, они включают лексемы *сон* (*тонок*) и *исступление*. Приведем примеры:

- (12) *Видения некая Божественная яве видяше <монах>, овая спя, овая же бодрствуя. Сон же его бе зело мал и тонок, яко едва возможно бе нареци сном* [Димитрий, 3: 162];
- (13) *Тако святая молящися, от многия печали воздремася, и **тонким сном** усну. И се в видении сонном предста ей един от святых оных мучеников* [Димитрий, 4: 572];
- (14) *Единою посреде братий седя и деляя, во **изступлении** бысть, и прилежно взирая на небо въздыхаше, и со умилением прекланяше колене на землю* [Димитрий, 2: 341 об.];
- (15) *По шести же днех бысть аки во **изступлении** в день седмый нашедшу на него святому Духу, и нача литургисати* [Димитрий, 2: 244].

Значение ‘духовное исступление, экстаз’ закрепилось за словом *восторг*, вероятно, уже в ранних церковнославянских текстах. Так, например, в исторических словарях древнейшим памятником, в котором фиксируется рассматриваемое слово в указанном значении, является «Синайский патерик» (ранний список датируется XI в.) [СлРЯ XI–XVII: 61]. В старославянских текстах данное значение выражалось с помощью лексемы *ужас*. Кроме того, в словаре старославянского языка также фиксируется словосочетание *ум ужасен* в том же значении [SJS: 616–617]. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» отмечено 4 употребления слова *восторг* в составе устойчивого сочетания *быти (в) възтързе* ‘о состоянии религиозного экстаза, видений’ [СлДРЯ: 134].

Рассматриваемое значение устойчиво закрепляется за словом *восторг* в церковнославянском языке. Об этом могут свидетельствовать данные «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени», где выделяется значение слова (‘состояние духовного просветления, иногда сопровождающееся видениями’) и устойчивого сочетания *быти въ восторзе* (‘пребывать в состоянии духовного просветления’) [БСЦСЯ: 399].

Вероятно, только в XVIII в. слово *восторг* проникает в поэтическую сферу. Об этом свидетельствует значение ‘поэтическое вдохновение’, которое фиксируется в «Словаре русского языка XVIII века» и отсутствует в словарях предшествующих периодов [Там же]. Возможно,

появление нового значения было вызвано формированием категории восторга в сфере поэзии. В «Картотеке Словаря русского языка XVIII в.» первое употребление этого значения отмечено у Ф. Прокоповича в «Слове похвальном о флоте российском» (1720). Однако именно благодаря М. В. Ломоносову слово *восторг* стало устойчивым маркером высокой поэзии.

3.2. Употребление глаголов *восхитить* (*восхищать*) и *восхититься* (*восхищаться*) при описании восторга и мистического экстаза

Лексема *восхищение*, которую Ломоносов использовал для обозначения фигуры в «Кратком руководстве к красноречию», в его поэзии не встречается. Вместо существительного, в метафорических контекстах, обозначающих одический восторг, употребляются глаголы *восхитить* (*восхищать*) и *восхититься* (*восхищаться*) в значении 'поднять на высоту, вознести к небу' (см. выразительный случай такого употребления глагола *восхитить* в примере (8)).

Наречие *куда* подчеркивает сему направленного движения в значении причастия *восхищен*. В этом примере, с одной стороны, появление античного мифологического топонима Олимп лишает весь контекст тех сакральных смыслов, которые обычно сопровождают значение причастия *восхищенный* в церковнославянском языке, о чем свидетельствуют словарные иллюстрации к рассматриваемому значению глагола [СлДРЯ: 143, 145; СлРЯ XI–XVII: 66, 67]. С другой стороны, «следы» церковнославянского употребления обнаруживаются в контексте, где присутствуют слова и сочетания, которые являются церковнославянскими и/или обычно используются в языке церковно-религиозных текстов, такие как *небесная пища*, *вкушать*, *вознесенный*. В связи с этим примечателен следующий пример непоэтического употребления глагола *восхищаться* в рассматриваемом значении:

- (16) *Но кто притом представляет еще всесильного строителя и начальника природы, взирает просвещенным и проникающим оком в сокровенные внутренности многообразных тварей, видит взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные их части, таинства иным несведомые, в которых непостижимая зиждительная премудрость тем великолепнее является, чем*

тончае есть оных строение, тот не токмо легкими крилами благоговения к небу восхищается, но и сам якобы в некое обожение приходит [Ломоносов, I: 535].

Приведенная цитата относится к «Программе» к курсу лекций по экспериментальной физике, который Ломоносов читал в 1746 г. В смысловом плане она связана с религиозным дискурсом, что отражено в ее стилистике: здесь широко используется церковнославянская лексика и фразеология (*всесильный строитель и начальник nature, взирать просвещенным и проникающим оком, взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные части, таинства иным несведомые, непостижимая зиждителя премудрость, легкие крила благоговения, к небу восхищаться*). Кроме того, в этом фрагменте встречается единственный пример употребления в языке Ломоносова слова *обожение*, обозначающего одно из центральных христианско-богословских понятий⁷. Как нам представляется, приведенные примеры иллюстрируют не только отношение глагола *восхитить* в значении ‘поднять на высоту, вознести к небу’ к церковно-религиозной сфере, но и актуальность религиозного понимания категории восторга для создания поэтического образа. В этой связи агиографические описания мистического экстаза представляют собой уникальный материал, который описывает разнообразные проявления этого феномена.

В целом, для описания лирического восторга движение вверх является важным композиционным и смысловым элементом, а также необходимым условием для обретения особой, сверхъестественной способности видеть то, что недоступно чувственному зрению. Поэтому изображение одического восторга нередко передается с помощью лексики, обозначающей движение вверх или реализующей оппозицию *верх — низ, земля — небо* (см. примеры (4), (5)).

В «Книге житий святых» Димитрия Ростовского глаголы *восхитить* (*восхищать*) и *восхититься* (*восхищаться*) нередко употребляются в значении ‘вознестись (быть поднятым) к небесам’ в контекстах, семантически близких к описанию восхищения апостола Павла, причем

---

⁷ Это понятие тесно связано с мистическим направлением богословия: «Основная идея греко-восточного богословия — идея „обожения“ (theosis), ⟨...⟩ в большей части своего содержания, если не всецело, — опытно-мистического происхождения. Для отцов Церкви „обожение“ — не идея, не теория, не догма, а прежде всего и более всего — факт их внутренней жизни» [Минин 2015: 490].

в ряде случаев его имя упоминается в сравнительных конструкциях. Приведем примеры:

- (17) *В видении же соннем зряшеся быти **восхищена** в высоту небесную* [Димитрий, 4: 241];
- (18) *Блаженный Симеон бысть в восторзе, и виде себе **восхищенна** быти в высоту* (Димитрий, 3: 500);
- (19) *Тако святыи Андрей подобне святому Павлу **восхищен** быв, виде то, еже око брнное не виде, и слыша то, еже ухо мертвенное не слыша* [Димитрий, 1: 171].

При этом духовное движение вверх не всегда передается с помощью этих глаголов, но обычно сопровождает состояние мистического экстаза. Приведем примеры:

- (20) *Аз же мнхся не яко на земли, но яко на небеси быти, и от великия радости духовныя бых яко в восторзе* [Димитрий, 4: 93 об.];
- (21) *Ум горе имея, ноци уже глубоцей сущей, бысть в восторзе, и виде* [Димитрий, 2: 355].

Так же, как и лирический герой торжественных од, святой, наблюдая за происходящим с высоты, получает возможность видеть истинные сущности вещей.

Другая особенность употребления глаголов *восхитить* (*восхищать*) и *восхититься* (*восхищаться*) в одической поэзии Ломоносова состоит в том, что они используются в сочетании с существительными *ум* и *мысль*, например:

- (22) *Какие представляет виды / Отрадой **восхищенный ум**?* [Ломоносов, VIII: 796];
- (23) *Каким необычайным треском, / Каким молниевидным блеском / **Восхитился** внезапно ум?* [Там же: 501];
- (24) *Какую чувствует премену / Желанием вперенный дух? / Се **мысль**, внезапно **возхищенну**, / Веселый ободряет слух!* [Там же: 139]⁸.

В церковнославянском языке устойчивые словосочетания со словом *ум*, обозначающие мистический экстаз, появляются уже в ранних памятниках. В п. 3.1 было приведено словосочетание *ум ужасен* со значением 'экстаз', характерное для старославянского языка. В более

поздних текстах (XV–XVI вв.) фиксируется сочетание *восхищенный умом* в значении ‘в религиозном экстазе (?)’ [СлРЯ XI–XVII: 67]. Кроме этого, к глаголу *восхищаться* в значении ‘увлекаться, находиться в приподнятом состоянии, приходиться в экстаз’ в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведен пример с грамматической трансформацией этой конструкции, хотя ее устойчивость не указана:

- (25) *Во время молитвы восхищается ум вне хотения, в мысли бесплотных, во яже убо не повелена быша чувства сказати. Нил. Сор. Устав, 28. XV–XVI вв. [СлРЯ XI–XVII: 68].*

Устойчивость таких сочетаний может подтверждаться данными [БСЦСЯ], в котором приводится как предикативный фразеологизм *ум восхищается* ‘приходит в восторженное состояние, экстаз’, так и субстантивное словосочетание *восхищение ума* ‘особое, экстатическое состояние ума; духовное просветление’ [БСЦСЯ: 407]. При этом для слова *восторг* такая сочетаемость не характерна — в исторических словарях соответствующего материала нет.

В минейном сборнике Димитрия Ростовского встречаются сочетания *восхищение ума* и *восхищенный умом*, которые используются в рассматриваемом значении. Приведем примеры:

- (26) *Углубляешия в Богомыслии даже до восхищения ума [Димитрий, 3: 126 об.];*
- (27) *Непрестанно бяше в восхищении к Богу ума своего [Димитрий, 2: 357];*
- (28) *Восхищен бысть умом, и виде [Димитрий, 1: 362 об.].*

3.3. Языковые средства, используемые для передачи особого зрительного восприятия

Как и состояние одического восторга, мистический экстаз нередко сопровождается видениями. На это, в частности, указывает формула *бысть (аки) в восторзе и виде*, характерная для описаний этого состояния в житийных произведениях Димитрия Ростовского. Примеры:

- (29) *Блаженный Симеон на особном своем месте сядя, бысть в восторзе, и виде* [Димитрий, 4: 376 об.];
- (30) *Бысть и блаженный Иоанн в восторзе, и виде* [Димитрий, 4: 377];
- (31) *Бысть бо Иоанн аки в восторзе, и виде* [Димитрий, 4: 145]⁹.

Видения, которые наблюдают монахи в религиозном экстазе, особого свойства, они являются результатом чрезвычайного духовного и ментального напряжения. В этом состоянии герой жития обретает способность видеть то, что скрыто от обыденного взгляда (*чувственного ока*). В языке житий эта способность может передаваться с помощью словосочетания *умные очи*:

- (32) (Иоанн. — М. Ш.) *восхищен бысть умом в святой Вифлеем, и виде ... То блаженный Иоанн умными видево очесы, абие воста* [Димитрий, 2: 15 об.].

Однако необходимо отметить, что дар прозрения, которым могут обладать герои житий, обычно проявляется не в особом экстазическом состоянии, а при обычных условиях. В контекстах, посвященных таким видениям, весьма часто употребляются словосочетания, в которых одним из компонентов является лексика зрительного восприятия, а другим — слова, обозначающие умственную деятельность человека: *умные, мысленные, сердечные, душевные, духовные очи; умом зреть, смотреть*. Приведем примеры:

- (33) *Егоже аще и не виде чувственными очесы, духовными же того издалуче усмотрел* [Димитрий, 4: 143];
- (34) *Толико же блаженный Нифонт име умныя просвещены очи, яко ведати ему тайная сердец человеческих, со аггелы же яко с други своими беседоваше яве, и зряше бесов очевидно* [Димитрий, 2: 174];
- (35) *Иже далняя яко ближняя мысленными зряше очесы* [Димитрий, 2: 363];
- (36) *Все же жития его течение бе молитва непрестанная, и к Богу желание несытно: того бо, нощю и днем в светлейшем душевныя*

---

⁹ См. также примеры (9)–(11), (18).

чистоты зерцале умом зря, насытитися не можаше [Димитрий, 3: 169 об.].

В таких контекстах реализуются противопоставления чувственного и духовного, внешнего и внутреннего, видимого и невидимого.

Такие словосочетания являются не только важным стилистическим элементом одического восторга и, как следствие, одической поэзии Ломоносова (см. п. 2.2), но и значимой смысловой категорией в его идиостиле. В качестве примера приведем фрагмент из его «Слова о явлениях воздушных»:

- (37) *Должно ли тех почитать дерзостными и богопротивными, которые, для общей безопасности, к прославлению божия величества и премудрости величия дел его в натуре молнии и грома следуют? Никак! Мне кажется, что они еще особливою его щедротою пользуются, получая пребогатое за труды свои мздовоздаяние, то есть толь великих естественных чудес откровение. Отворено видим его святилище по открытии электрических действий в воздухе, и мановением природы во внутренние входы призываемся! Еще ли стоять будем у порога и прекословием неосновательного предуверения удержимся? Никоею мерою; но, напротив того, сколько нам дано и позволено, далее простирается не престанем, осматривая все, к чему **умное око** проникнуть может* [Ломоносов, III: 71]

4. Выводы

В настоящей статье было выявлено сходство лингвостилистических средств выражения одического восторга в поэзии М. В. Ломоносова с языком житийной литературы, в частности минейного собрания Димитрия Ростовского. Кроме того, внимание было уделено и соответствию выражаемых общими для сопоставляемых текстов лексическими и фразеологическими единицами понятий и категорий. На этом материале мы попытались показать связь одического стиля М. В. Ломоносова с аскетическим направлением церковнославянской литературы вообще и агиографии в частности. Эта проблема, безусловно, требует дальнейших исследований, однако, как нам представляется, уже на данном этапе можно сделать вывод о ее актуальности и перспективности.

Литература

- Алексеева 2005 — Н. Ю. Алексеева. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005.
- Дороватовская 1911 — В. Дороватовская. О заимствованиях Ломоносова из Библии // В. В. Сиповский (ред.). М. В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей. СПб.: Я. Башмаков и К, 1911. С. 33–65.
- Живов 1994 — В. М. Живов. Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых» // Л. А. Софронова (отв. ред.). История культуры и поэтика. М.: Наука, 1994. С. 62–82.
- Коровин 1961 — Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Левитт 2015 — М. Левитт. Визуальная доминанта в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Литвинова 2001 — Л. В. Литвинова. Аскетизм // Православная энциклопедия. Т. 3: Анфимий — Афанасий. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 593–608.
- Матвеев 2017 — Е. М. Матвеев. К вопросу о библейских и богослужебных заимствованиях у М. В. Ломоносова // Slověne. 2017. № 1. С. 393–412.
- Минин 2015 — П. М. Минин. Главные направления древнецерковной мистики // В. Н. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Академический проект; Парадигма, 2015. С. 490–543.
- Моисеева 1971 — Г. Моисеева. Ломоносов и древнерусская литература. Л.: Наука, 1971.
- Морозов 1962 — А. А. Морозов. М. В. Ломоносов: Путь к зрелости. 1711–1741. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
- Петров 2004 — В. В. Петров. Ἀρταύδος и ἄρταυα: критические замечания к статье о Павла Флоренского «Не восхищение непщева (Флп. 2:6–8)» // Диалог со временем. 2004. № 13. С. 327–334.
- Серман 1966 — И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л.: Наука, 1966.
- Серман 2002 — И. З. Серман. Неизданный конспект М. В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало // Н. Д. Кочеткова (отв. ред.). XVIII век. Сб. 22. СПб.: Наука, 2002. С. 333–346.
- Солосин 1913 — И. И. Солосин. Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1913. Т. XVIII. Кн. 2. С. 238–293.
- Флоренский 1996 — П. Флоренский. «Не восхищение непщева» // П. Флоренский. Сочинения в 4 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 143–188.

Источники

- Библия 2004 — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2004.

- БСЦСЯ — А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева (ред.). Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. II. М.: Родное слово, 2019.
- Димитрий, 1 — Димитрий Ростовский. Книга житий святых, 1-я четверть: Сентябрь — ноябрь. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1764.
- Димитрий, 2 — Димитрий Ростовский. Книга житий святых, 2-я четверть: Декабрь — февраль. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1764.
- Димитрий, 3 — Димитрий Ростовский. Книга житий святых, 3-я четверть: Март — май. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1764.
- Димитрий, 4 — Димитрий Ростовский. Книга житий святых, 4-я четверть: Июнь — август. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1764.
- Ломоносов — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: в 11 тт. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1983.
- СлДРЯ — Р. И. Аванесов (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. II. М.: Русский язык, 1989.
- СлРЯ XI–XVII — С. Г. Бархударов (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М.: Наука, 1976.
- СлРЯ XVIII — Ю. С. Сорокин (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991; Вып. 7–... СПб.: Наука, 1992–...
- Третьяковская 2009 — В. К. Третьяковская. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб.: Наука, 2009.
- SJS — J. Kurz (hl. red.). Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 42. Praha: Academia, nakladatelství Československé akademie věd, 1989.

References

- Alekseeva 2005 — N. Yu. Alekseeva. *Russkaya oda: Razvitie odicheskoj formy v XVII–XVIII vekah* [Russian ode: The development of the odic form in the XVII–XVIII centuries]. St. Petersburg: Nauka, 2005.
- Dorovatovskaya 1911 — V. Dorovatovskaya. O zaimstvovaniyah Lomonosova iz Biblii [On the borrowings of Lomonosov from the Bible]. V. V. Sipovskiy (ed.). *M. V. Lomonosov. 1711–1911. Sbornik statey* [M. V. Lomonosov. 1711–1911. Digest of articles]. St. Petersburg: Ya. Bashmakov i K, 1911. P. 33–65.
- Florenskij 1996 — P. Florenskiy. «Ne voskhishchenie nepshcheva» [“Who Did Not Consider It Rapture?”]. P. Florenskiy. *Sochineniya v chetyrekh tomah* [Works in four volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1996. P. 143–188.
- Korovin 1961 — G. M. Korovin. *Biblioteka Lomonosova* [Lomonosov’s library]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.
- Levitt 2015 — M. Levitt. *Vizual’naya dominanta v Rossii XVIII veka* [The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- Litvinova 2001 — L. V. Litvinova. Asketizm [Asceticism]. *Pravoslavnyaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. III. Moscow: Church science Centre «Pravoslavnyaya enciklopediya», 2001. P. 593–608.

- Matveev 2017 — E. M. Matveev. K voprosu o biblejskih i bogoslužebnyh zaimstvovaniyah u M. V. Lomonosova [On the issue of biblical and liturgical borrowings from M. V. Lomonosov]. *Slověne*. 2017. No. 1. P. 393–412.
- Minin 2015 — P. M. Minin. Glavnye napravleniya drevnecerkovnoy mistiki [The main directions of ancient church mysticism]. V. N. Losskiy. *Oчерк misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow: Akademicheskii proekt; Paradigma, 2015. P. 490–543.
- Moiseeva 1971 — G. N. Moiseeva. *Lomonosov i drevnerusskaya literatura* [Lomonosov and Old Russian literature]. Leningrad: Nauka, 1971.
- Morozov 1962 — A. A. Morozov. *M. V. Lomonosov: Put k zrelosti. 1711–1741* [M. V. Lomonosov: The path to maturity. 1711–1741]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1962.
- Petrov 2004 — V. V. Petrov. Ἀρπαγμός ἢ ἄρπαγμα: kriticheskie zamechaniya k state o. Pavla Florenskogo “Ne voskshishchenie nepshcheva (Flp 2:6–8)” [«Ἀρπαγμός ἢ ἄρπαγμα: Critical Comments to Fr. Pavel Florensky’s Article “Who Did Not Consider It Rapture (Phil 2:6–8)”]. *Dialog so vremenem*. No. 13. 2004. P. 327–334.
- Serman 1966 — I. Z. Serman. *Poeticheskii stil’ Lomonosova* [The poetic style of Lomonosov]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.
- Serman 2002 — I. Z. Serman. Neizdannyy konspekt M. V. Lomonosova «Traktata o vozvyshennom» Psevdo-Longina v perevode N. Bualo [Unpublished compendium of M. V. Lomonosov’s “Treatise on the Sublime” Pseudo-Longin translated by N. Boileau]. N. D. Kochetkova (ex. ed.). *XVIII vek* [XVIII century]. Misc. 22. St. Petersburg: Nauka, 2002. P. 333–346.
- Solosin 1913 — I. I. Solosin. Otrazhenie yazyka i obrazov Sv. Pisaniya i knig bogoslužebnyh v stihotvoreniyah Lomonosova [The reflection of the language and images of Holy Scripture and the books of the liturgical in Lomonosov’s poems]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 1913. Vol. XVIII. Misc. 2. P. 238–293.
- Zhivov 1994 — V. M. Zhivov. Tserkovnoslavyanskaya literaturnaya traditsiya v russkoy literature XVIII v. i retseptsiya spora «drevnikh» i «novykh» [Church Slavonic literary tradition in Russian literature of the XVIII century and the reception of the dispute of the “ancient” and “new”]. L. A. Sofronova (ex. ed.). *Istoriya kultury i poetika* [History of Culture and Poetics]. Moscow: Nauka, 1994. P. 62–82.

Sources

- Bibliya 2004 — Bibliya. *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta* [Bible. Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo, 2004.
- BSCSYA — A. G. Kravetskiy, A. A. Pletneva (eds.). *Bolshoy slovar tserkovnoslavyanskogo yazyka Novogo vremeni* [Large dictionary of Church Slavonic language of New time]. Vol. II. Moscow: Rodnoe slovo, 2019.

- Dimitrij, 1 — Dimitrij Rostovskiy. *Kniga zhitiy svyatyh, 1-ya chetvert: Sentyabr — noyabr* [Book of the Lives of the Saints, 1st quarter: September — November]. Kiev: Printing House of the Kiev-Pechersk Lavra, 1764.
- Dimitrij, 2 — Dimitrij Rostovskiy. *Kniga zhitiy svyatyh, 2-ya chetvert: Dekabr — fevral* [Book of Lives of the Saints, 2nd quarter: December — February]. Kiev: Printing House of the Kiev-Pechersk Lavra, 1764.
- Dimitrij, 3 — Dimitrij Rostovskiy. *Kniga zhitiy svyatyh, 3-ya chetvert: Mart — may* [Book of Lives of the Saints, 3rd quarter: March — May]. Kiev: Printing House of the Kiev-Pechersk Lavra, 1764.
- Dimitrij, 4 — Dimitrij Rostovskiy. *Kniga zhitiy svyatyh, 4-ya chetvert: Iyun — avgust* [Book of Lives of the Saints, 4th quarter: June — August]. Kiev: Printing House of the Kiev-Pechersk Lavra, 1764.
- Lomonosov — M. V. Lomonosov. *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 tt.* [Complete works in 11 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1950–1983.
- SJS — J. Kurz (hl. red.). *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae.* T. 42. Praha: Academia, nakladatelství Československé akademie věd, 1989.
- SIDRYA — R. I. Avanesov (ed.-in-chief). *Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): V 10 t.* [Dictionary of the Old Russian Language (XI–XIV centuries): In 10 vol.] Vol. II. Moscow: Russkiy yazyk, 1989.
- SIRYA XI–XVII — S. G. Barhudarov (ed.-in-chief). *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th — 17th centuries]. Edit. 3. Moscow: Nauka, 1976.
- SIRYA XVIII — Yu. S. Sorokin (ed.-in-chief.). *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Edit. 1–6. Leningrad: Nauka, 1984–1991; edit. 7–... St. Petersburg: Nauka, 1992–... (continued edition).
- Trediakovskiy 2009 — V. K. Trediakovskiy. *Sochineniya i perevody kak stihami, tak i prozoyu* [Compositions and translations as poems and prose]. St. Petersburg: Nauka, 2009.